

Фома Гордеев

- Это я его привел! - раздался голос Маякина.

- А! Ну, тогда - конечно!.. Извините, Фома Игнатьевич... Но как ты его, Яков, привел... тебе его и укротить надо... А то - нехорошо...

Фома молчал и улыбался. И купцы молчали, глядя на него.

- Эх, Фомка! - заговорил Маякин. - Опять ты позоришь старость мою...

- Папаша крестный! - оскаливая зубы, сказал Фома. - Я еще ничего не сделал, значит, рано мне рацеи читать... Я не пьян, - я не пил, а всё слушал... Господа купцы! Позвольте мне речь держать? Вот уважаемый вами мой крестный говорил... а теперь крестника послушайте...

- Какие речи? - сказал Резников. - Зачем разговоры? Сошлись повеселиться...

- Нет уж, ты оставь, Фома Игнатьевич...

- Лучше выпей чего-нибудь...

- Выпьем-ко! Ах, Фома... славного ты отца сын!

Фома оттолкнулся от стола, выпрямился и, всё улыбаясь, слушал ласковые, увещевающие речи. Среди этих солидных людей он был самый молодой и красивый. Стройная фигура его, обтянутая сюртуком, выгодно выделялась из кучи жирных тел с толстыми животами. Смуглое лицо с большими глазами было правильнее и свежее обрюзглых, красных рож. Он выпятил грудь вперед, стиснул зубы и, распахнув полы сюртука, сунул руки в карманы.

- Лестью да лаской вы мне теперь рта не замажете! - сказал он твердо и с угрозой. - Будете слушать или нет, а я говорить буду... Выгнать здесь меня некуда...

Он качнул головой и, приподняв плечи, объявил спокойно:

- Но ежели кто пальцем тронет - убью! Клянусь господом богом- сколько смогу - убью!

Толпа людей, стоявших против него, колыхнулась, как кусты под ветром. Раздался тревожный шёпот. Лицо Фомы потемнело, глаза стали круглыми...

- Ну, говорилось тут, что вы это жизнь делали... что вы сделали самое настоящее и верное...

Фома глубоко вздохнул и с невыразимой ненавистью осмотрел лица слушателей, вдруг как-то странно надувшиеся, точно они вспухли... Купечество молчало, всё плотнее прижимаясь друг к другу. В задних рядах кто-то бормотал:

- Насчет чего он? А? П-по писанию, али от ума?

- О, с - сволочи! - воскликнул Гордеев, качая головой. - Что вы сделали? Не жизнь вы сделали - тюрьму... Не порядок вы устроили - цепи на человека выковали... Душно, тесно, повернуться негде живой душе... Погибает человек!.. Душегубы вы... Понимаете ли, что только терпением человеческим вы живы?

- Это что же такое? - воскликнул Резников, негодованию и гневу всплескивая руками. - Я таких речей слышать не могу...

- Гордеев! - закричал Бобров. - Смотри - ты говоришь неладно...

- За такие речи ой-ой-ой! - внушительно сказал Зубов.

- Цыц! - взревел Фома, и глаза у него налились кровью. - Захрюкали...

- Господа! - зазвучал, как скрип подпилка по железу, спокойно-зловещий голос Маякина - Покорнейше прошу - не препятствуйте! Пусть полагает, - пусть его потешится!.. От его слов вы не изломитесь...

- Ну, нет, покорно благодарю! - крикнул Юшков. А рядом с Фомой стоял Смолин и шептал ему в ухо:

- Перестань, голубчик! Что ты, с ума сошел?

- Пошел прочь! - твердо сказал Фома, блеснув на него гневными глазами. - Иди вон к Маякину, лижи его, авось кусок перепадет!

Смолин свистнул сквозь зубы и отошел в сторону. И купечество один за другим стало расходиться по пароходу. Это еще более раздражило Фому: он хотел бы приковать их к месту своими словами и - не находил в себе таких сильных слов.

- Вы сделали жизнь? - крикнул он. - Кто вы? Мошенники, грабители...

Несколько человек обернулось к Фоме, точно он их позвал.

- Кононов! Скоро тебя за девочку судить будут? В каторгу осудят, - прощай, Илья! Напрасно пароходы строишь... В Сибирь на казенном повезут...

Кононов опустил на стул; лицо его налилось кровью, и он молча погрозил кулаком. < Потом > хрипло сказал:

- Ладно... хорошо... я этого не-е забуду...

Фома увидел его искаженное лицо с трясущимися губами и понял, каким оружием и сильнее всего он ударит этих людей.

- Строители жизни! Гущин - подаешь ли милостыню племяшам-то? Подавай хоть по копейке в день - немало украд ты у них... Бобров! Зачем на любовницу наврал, что обокрала она тебя, и в тюрьму ее засадил? Коли надоела - сыну бы отдал... всё равно, он теперь с другой твоей шашни завел... А ты не знал? Эх, свинья толстая... А ты. Луп, - открой опять веселый дом да и лупи там гостей, как липки... Потом тебя черти облупят, ха-ха!.. С такой благочестивой рожей хорошо мошенником быть!.. Кого ты убил тогда, Луп?

Фома говорил, прерывая речь свою хохотом, и видел, что слова его хорошо действуют на этих людей. Прежде, когда он держал речь ко всем им, они отвертывались от него, отходили в сторону, собирались в группы и издали смотрели на своего обличителя презрительными и злыми глазами. Он видел улыбки на их лицах, он чувствовал в каждом их движении что-то пренебрежительное и понимал, что слова его хотя и злят их, но не задевают так глубоко, как бы ему хотелось. Всё это охлаждало его гнев, и уже в нем зарождалось горькое сознание неудачи своего нападения на них... Но как только он заговорил о каждом отдельно, - отношение слушателей к нему быстро и резко изменилось.

Когда Кононов грузно сел на стул, точно не выдержав тяжести суровых слов Фомы, - Фома заметил, что на лицах некоторых из купцов мелькнули едкие и злые улыбки. Он услышал чей-то одобрительный и удивленный шёпот:

- Вот - здо-орово!

Этот шёпот придал силы Фоме, и он с уверенностью начал швырять насмешки и ругательства в тех, кто попадался ему на глаза. Он радостно рычал, видя, как действуют его слова. Его слушали молча, внимательно; несколько человек подвинулись поближе к нему.

Раздавались протестующие восклицания, но негромкие, краткие, и каждый раз, когда Фома выкрикивал чье-либо имя, - все молчали и слушали и злорадно, искоса поглядывали в сторону обличаемого товарища.

Бобров смущенно смеялся, но его маленькие глазки сверлили Фому, как буравчики. А Луп Резников, взмахивая руками, неуклюже подпрыгивал и, задышавшись, говорил:

- Будьте свидетелями... Я этого не прошу! Я - к мировому... Что такое? - и вдруг тонким голосом завизжал, протянув к Фоме руки: - Связать его!

Фома хохотал.

- Правду не свяжешь, врешь!

- Хо-орошо! - тянул Кононов глухим, надорванным голосом.

- Вот, господа купечество! - звенел Маякин. - Прошу полюбоваться! Вот он каков!

Купцы один за другим подвигались к Фоме, и на лицах их он видел гнев, любопытство, злорадное чувство удовольствия, боязнь... Кто-то из тех скромных людей, среди которых он сидел, шептал Фоме:

- Так их!.. Валяйте их! Это зачтется...

- Робустов! - кричал Фома. - Что смеешься? Чему рад? Быть и тебе на каторге...

- Ссадить его на берег! - вдруг заорал Робустов, вскакивая на ноги.

А Кононов кричал капитану:

- Назад! В город! К губернатору... И кто-то внушительно, дрожащим от волнения голосом говорил:

- Это подстроено... Это нарочно... Научили его... напоили для храбрости...

- Нет, это бунт!

- Вяжи его! Просто - вяжи его! Фома схватил бутылку из-под шампанского и взмахнул ею в воздухе.

- Суньтесь-ка! Нет, уж, видно, придется вам послушать меня...

Он снова с веселой яростью, обезумевший от радости при виде того, как корчились и метались эти люди под ударами его речей, начал выкрикивать имена и площадные ругательства, и снова негодующий шум стал тише. Люди, которых не знал Фома, смотрели на него с жадным любопытством, одобрительно, некоторые даже с радостным удивлением. Один из них, маленький седой старичок с розовыми щеками и мышинными глазками, вдруг обратился к обиженным Фомой купцам и сладким голосом пропел:

- Это - от совести слова! Это - ничего! Надо претерпеть... Пророческое обличение... Ведь грешны! Ведь правду надо говорить, о-очень мы...

На него зашипели, а Зубов даже толкнул его в плечо. Он поклонился и - исчез в толпе...

- Зубов! - кричал Фома. - Сколько ты людей по миру пустил? Снится ли тебе Иван Петров Мякинников, что удавился из-за тебя? Правда ли, что каждую обедню ты из церковной кружки десять целковых крадешь?

Зубов не ожидал нападения и замер на месте с поднятой кверху рукой. Но потом он завизжал тонким голосом, странно подскочив на месте:

- А! Ты и меня? И- и меня?

И вдруг, надувши щеки, он с яростью начал грозить кулаком Фоме, визгливым голосом возглашая:

- Р-рече без-зумец в сердце своем - несть бог!.. К архиерею поеду! Фармазон! Каторга тебе!

Суматоха на пароходе росла, и Фома при виде этих озлобленных, растерявшихся, обиженных им людей чувствовал себя сказочным богатырем, избивающим чудовищ. Они суетились, размахивали руками, говорили что-то друг другу - одни красные от гнева, другие бледные, все одинаково бессильные остановить поток его издевательств над ними.

- Матросов! - кричал Резников, дергая Кононова за плечо. - Что ты, Илья? Пригласил нас на посмеяние?

- Против одного щенка... - визжал Зубов.

Около Якова Тарасовича Маякина собралась толпа и слушала его тихую речь, со злобой и утвердительно кивая головами.

- Действуй, Яков! - громко говорил Робустов. - Мы все свидетели - валяй!

И над общим гулом голосов раздавался громкий голос Фомы:

- Вы не жизнь строили - вы помойную яму сделали! Грязищу и духоту развели вы делами своими. Есть у вас совесть? Помните вы бога? Пятак - ваш бог! А совесть вы прогнали... Куда вы ее прогнали? Кровопийцы! Чужой силой живете... чужими руками

работаете! Сколько народу кровью плакало от великих дел ваших? И в аду вам, сволочам, места нет по заслугам вашим... Не в огне, а в грязи кипящей варить вас будут. Веками не избудете мучений...

Фома залился громким хохотом и, схватившись за бока, закачался на ногах, высоко вскинув голову.

В этот момент несколько человек быстро перемигнулись, сразу бросились на Фому и сдавили его своими телами. Началась возня...

- По-опал! - произнес кто-то задыхающимся голосом.

- А-а? Вы - так? - хрипло крикнул Фома. С полминуты целая куча черных тел возилась на одном месте, тяжело топая ногами, и из нее раздавались глухие возгласы:

- Вали его наземь!..

- Руку держите... руку! О-ой...

- За-а бороду?

- Не бей! Не смей бить...

- Готов!..

- Здоровый!..

Фому волоком оттащили к борту и, положив его к стенке капитанской каюты, отошли от него, оправляя костюмы, вытирая потные лица. Он, утомленный борьбой, обессиленный позором поражения, лежал молча, оборванный, выпачканный в чем-то, крепко связанный по рукам и ногам полотенцами.

Теперь настала очередь издеваться над ним. Начал Зубов. Он подошел к нему, потолкал его ногою в бок и сладким голосом, весь вздрагивая от наслаждения мстить, спросил:

- Что, пророк громopodobный, ась? Ну-ка, восчувствуй сладость плена вавилонского, хе-хе-хе!

- погоди... - хрипящим голосом сказал Фома, не глядя на него. - погоди... отдохну... Языка вы мне не связали... - Но Фома уже понимал, что больше он ничего не может ни сделать, ни сказать. И не потому не может, что связали его, а потому, что сгорело в нем что-то и - темно, пусто стало в душе...

К Зубову подошел Резников. Потом один за другим стали приближаться другие... Бобров, Кононов и еще несколько человек с Яковом Маякиным впереди ушли в рубку, негромко разговаривая о чем-то.

Пароход на всех парах шел к городу. От сотрясения его корпуса на столах дрожали и звенели бутылки, и, этот дребезжащий жалобный звук был слышен Фоме яснее всего. Над ним стояла толпа людей и говорила ему злые и обидные вещи.

Но лица этих людей Фома видел, как сквозь туман, и слова их не задевали его сердца. В нем, из глубины его души, росло какое-то большое горькое чувство; он следил за его ростом и хотя еще не понимал его, но уже ощущал что-то тоскливое, что-то - унижительное...

- Ты подумай, - шарлатан ты! - что ты наделал с собой? - говорил Резников. - Какая теперь жизнь тебе возможна? Ведь теперь никто из нас плюнуть на тебя не захочет!

"Что я сделал?" - старался понять Фома. Купечество стояло вокруг него сплошной темной массой...

- Н-ну, - сказал Ящуров, - теперь. Фомка, твое дело кончено...

- М-мы тебя... - тихо промычал Зубов.

- Развяжите! - сказал Фома.

- Ну, нет! Покорнейше благодарим!

- Позовите крестного...

Но Яков Маякин сам пришел в это время. Подошел, остановился над Фомой, пристально, суровыми глазами оглядел его вытянутую фигуру и - тяжело вздохнул.

- Ну, Фома...

- Велите развязать меня! - убитым голосом попросил Фома.

- Опять буяннить будешь? Нет уж, полежи так... - ответил ему крестный.

- Я больше слова не скажу... клянусь богом! Развяжите - стыдно мне! Ведь я не пьяный...

- Божишься, что не будешь буяннить? - спросил Маякин.

- О, господи! Не буду... - простонал Фома. Ему развязали ноги, но руки оставили связанными.

Когда он поднялся, то посмотрел на всех и с жалкой улыбкой сказал тихонько:

- Ваша взяла...

- Всегда возьмет! - ответил ему крестный, сурово усмехаясь.

Фома, согнувшись, с руками, связанными за спиной, молча пошел к столу, не поднимая глаз ни на кого. Он стал ниже ростом и похудел. Растрепанные волосы падали ему на лоб и виски; разорванная и смятая грудь рубахи высунулась из-под жилета, и воротник закрывал ему губы. Он вертел головой, чтоб сдвинуть воротник под подбородок, и - не мог сделать этого. Тогда седенький старичок подошел к нему, поправил что нужно, с улыбкой взглянул ему в глаза и сказал:

- Надо претерпеть...

Теперь, при Маякине, люди, издевавшиеся над Фомой, - молчали, вопросительно и с любопытством поглядывая на старика и ожидая от него чего-то. Он был спокоен, но глаза у него поблескивали как-то несообразно событию, - светло...

- Дайте водки мне!.. - попросил Фома, усевшись за стол и опершись о край его грудью. Его согнутая фигура была жалка и беспомощна. Вокруг него говорили вполголоса, ходили с какой-то осторожностью. И все поглядывали то на него, то на Маякина, усевшегося против него. Старик не сразу дал водки крестнику. Сначала он пристально осмотрел его, потом, не торопясь, налил рюмку и наконец молча поднес ее к губам Фомы. Фома высосал водку и попросил:

- Еще!

- Будет!.. - ответил Маякин.

И вслед за тем наступила тяжелая для всех минута полного молчания. К столу подходили бесшумно, на цыпочках и, подойдя, вытягивали шеи, чтоб увидеть Фому.

- Ну, Фомка, понимаешь ты теперь, что наделал? - спросил Маякин. Говорил он тихо, но все слышали его вопрос.

Фома качнул головой и промолчал.

- Прощенья тебе - нет! - продолжал Маякин твердо и повышая голос. - Хотя все мы - христиане, но прощенья тебе не будет от нас... Так и знай...

Фома поднял голову и задумчиво сказал:

- А про вас, папаша, я забыл... Ничего вы не услышали от меня...

- Вот-с! - с горечью вскричал Маякин, указывая рукой на крестника. Видите?

Раздался глухой протестующий ропот.

- Ну, да всё равно! - со вздохом продолжал Фома. - Всё равно! Ничего... никакого толку не вышло!..

И он снова согнулся над столом.

- Чего ты хотел? - спросил крестный сурово.

- Чего? - Фома поднял голову, посмотрел на купцов и усмехнулся. - Хотел уж...

- Пьяница! Мерзец!

- Я - не пьян! - угрюмо возразил Фома. - Я всего выпил две рюмки... Я совсем трезвый был...

- Стало быть, - сказал Бобров, - твоя правда, Яков Тарасович: не в уме он...

- Я? - воскликнул Фома.

Но на него не обратили внимания. Резников, Зубов и Бобров наклонились к Маякину и тихо начали о чем-то говорить.

"Опека..." - уловил Фома одно слово...

- Я в уме! - сказал он, откидываясь на спинку стула и глядя на купцов мутными глазами. - Я понимаю, чего хотел. Хотел сказать правду... Хотел обличить вас...

Его вновь охватило волнение, и он вдруг дернул руки, пытаясь освободить их.

- Э-э! Погоди! - воскликнул Бобров, хватая его за плечи. - Придержите-ка его.

- Ну, держите! - с тоской и горечью сказал Фома. - Держите...

- Сиди смирно! - сурово крикнул крестный.

Фома замолчал. Всё, что он сделал, - ни к чему повело, его речи не пошатнули купцов. Вот они окружают его плотной толпой, и ему не видно ничего из-за них. Они спокойны, тверды, относятся к нему как к буйану и что-то замышляют против него. Он чувствовал себя раздавленным этой темной массой крепких духом, умных людей... Сам себе он казался теперь чужим и не понимающим того, что он сделал этим людям и зачем сделал. Он даже чувствовал обидное что-то, похожее на стыд за себя перед собой. У него першило в горле, и в груди точно какая-то пыль осыпала сердце его, и оно билось тяжело, неровно. Он медленно и раздумчиво повторял, не глядя ни на кого:

- Хотел сказать правду...

- Дурак! - презрительно сказал Маякин. - Какую ты можешь сказать правду? Что ты понимаешь?

- У меня сердце изболело... Нет, я правду чувствовал!

Кто-то сказал:

- По речам его очень видно, что помутился он разумом...

- Правду говорить - не всякому дано - сурово и поучительно заговорил Яков Тарасович, подняв руку кверху. - Ежели ты чувствовал - это пустяки! И корова чувствует, когда, ей хвост ломают. А ты - пойми! Всё пойми! И врага пойми... Ты догадайся, о чем он во сне думает, тогда и валяй!

По обыкновению Маякин увлекся было изложением своей философии, но, вовремя поняв, что побежденного бою не учат, остановился. Фома тупо посмотрел на него - и странно закачал головой...

- Отстань от меня! - жалобно попросил Фома. - Всё ваше! Ну - чего еще вам?

Все внимательно прислушивались к его речам, и в этом внимании было что-то предубежденное, зловещее...

- Жил я, - говорил Фома глухим голосом. - Смотрел... Нарвало у меня в сердце. И вот - прорвался нарыв... Теперь я обессилел совсем! Точно вся кровь вытекла...

Он говорил монотонно, бесцветно, и речь его походила на бред...

Яков Тарасович засмеялся.

- Что же, ты думал языком гору слизать? Накопил злобы на клопа, а пошел на медведя? Так, что ли? Юродивый!.. Отец бы твой видел тебя теперь - эх!

- А все-таки, - вдруг уверенно и громко сказал Фома, и вновь глаза его вспыхнули, - все-таки - ваша во всем вина! Вы испортили жизнь! Вы всё стеснили... от вас удушье... от вас! И хоть слаба моя правда против вас, а все-таки - правда! Вы - окаянные! Будь вы прокляты все...

Он забился на стуле, пытаясь освободить руки, и закричал, свирепо сверкая глазами:

- Развяжите руки!

Его окружили теснее; лица купцов стали строже, и Резников внушительно сказал ему:

- Не шуми, не буйань! Скоро в городе будем... Не срамись да и нас не срами... Не прямо же с пристани - в сумасшедший дом тебя?

- Да-а?! - воскликнул Фома. - Так вы меня в сумасшедший до-ом?

Ему не ответили. Он посмотрел на их лица и поник головой.

- Веди себя смирно, - развяжем!.. - сказал кто-то.

- Не надо! - тихо заговорил Фома. - Всё равно... И речь его снова приняла характер бреда.

- Я пропал... знаю! Только - не от вашей силы... а от своей слабости... да! Вы тоже черви перед богом... И - погодите! Задохнетесь... Я пропал - от слепоты... Я увидел много и ослеп... Как сова... Мальчишкой, помню... гонял я сову в овраге... она полетит и треснется обо что-нибудь... Солнце ослепило ее... Избилась вся и - пропала... А отец тогда сказал мне: "Вот так и человек: иной мечется, мечется, изобьется, измучится и бросится куда попало... лишь бы отдохнуть!.." Эй! развяжите мне руки...

Лицо его побледнело, глаза закрылись, плечи задрожали. Оборванный и измятый, он закачался на стуле, ударяясь грудью о край стола, и стал что-то шептать.

Купечество многозначительно переглядывалось. Иные, толкали друг друга под бока, молча кивали головами на Фому. Лицо Якова Маякина было неподвижно и темно, точно высеченное из камня.

- Может, развязать? - прошептал Бобров.

- Нет, не надо... - вполголоса сказал Маякин. - Оставим его здесь... а кто-нибудь пусть пошлет за каретой... Прямо в больницу...

Он пошел к рубке, тихо сказав:

- Постерегите... как бы, чего доброго, в воду не прыгнул...

- А - жалко парня!.. - сказал Бобров, посмотрев вслед ему.

- Никто в дурости его не повинен!.. - хмуро ответил Резников.

- Яков-то... - кивнув головой вслед Маякину, шёпотом сказал Зубов.

- Что Яков? Он тут не проиграл...

- Н-да-а... он теперь... опечет!..

Их тихий смех и шёпот сливались со вздохами машины и, должно быть, не достигали до слуха Фомы. Он неподвижно смотрел перед собой тусклым взглядом, и только губы у него чуть вздрагивали...

- Сын к нему явился... - шептал Бобров.

- Я его знаю, сына-то, - сказал Ящуров. - Встречал в Перми...

- Что за человек?

- Деловой... Большим орудует делом в Усолье...

- Стало быть - этот Якову не нужен... Н-да... вон оно что!

- Глядите - плачет!

- О?

Фома сидел, откинувшись на спинку стула и склонив голову на плечо. Глаза его были закрыты, и из-под ресниц одна за другой выкатывались слезы. Они текли по щекам на усы... Губы Фомы судорожно вздрагивали, слезы падали с усов на грудь. Он молчал и не двигался, только грудь его вздымалась тяжело и неровно. Купцы посмотрели на бледное, страдальчески осунувшееся, мокрое от слез лицо его с опущенными книзу углами губ и тихо, молча стали отходить прочь от него...

И вот Фома остался один со связанными за спиной руками перед столом, покрытым грязной посудой и разными остатками пира. Порой он медленно открывал тяжелые опухшие ресницы, и глаза его сквозь слезы тускло и уныло смотрели на стол, где всё было опрокинуто, разрушено...

Прошло года три.

С год тому назад Яков Тарасович Маякин умер. Умирая в полном сознании, он остался верен себе и за несколько часов до смерти говорил сыну, дочери и зятю:

- Ну, ребята, - живите богато! Поел Яков всяких злаков, значит, Якову пора долой со двора... Видите - умираю, а не унываю... И это мне господь зачтет... Я его, всеблагого, только шутками беспокоил, а стоном и жалобами - никогда! Господи! Рад я, что умеючи пожил - по милости твоей! Прощайте, детушки... Живите дружно... не мудрствуйте очень-то. Знайте - не тот свят, кто от греха прячется да спокойненько лежит... Трусостью от греха не оборонишься - про это и говорит притча о талантах... А кто хочет от жизни толку добиться - тот греха не боится... Ошибку господь ему простит... Господь назначил человека на устройство жизни... а ума ему не так уж много дал - значит, строго искать недоимок не станет!.. Ибо свят он и многомилостив...

Умер он после краткой, но очень мучительной агонии...

Ежова за что-то выслали из города вскоре после происшествия на пароходе.

В городе возник новый крупный торговый дом под фирмой "Тарас Маякин и Африкан Смолин"...

За все три года о Фоме не слышно было ничего. Говорили, что после выхода из больницы Маякин отправил его куда-то на Урал к родственникам матери.

Недавно Фома явился на улицах города. Он какой-то истертый, измятый и полоумный. Почти всегда выпивши, он появляется - то мрачный, с нахмуренными бровями и с опущенной на грудь головой, то улыбающийся жалкой и грустной улыбкой блаженненького. Иногда он буянит, но это редко случается. Живет он у сестры на дворе, во флигельке...

Знающие его купцы и горожане часто смеются над ним. Идет Фома по улице, и вдруг кто-нибудь кричит ему:

- Эй ты, пророк! Подь сюда!

Фома очень редко подходит к зовущему его, - он избегает людей и не любит говорить с ними. Но если он подойдет, - ему говорят:

- Ну-ка, насчет светопреставления скажи слово, а? Хе-хе-хе! Про-орок!

Комментарии

Фома Гордеев

Впервые напечатано в журнале "Жизнь", 1899, томы: II, III, IV, VI, VII, VIII, IX, февраль-апрель, июнь - сентябрь, с подзаголовком "Повесть". Отдельным изданием повесть вышла в 1900 г. с посвящением А. П. Чехову в издании "Библиотека "Жизни", номер 3.

К первым книгам журнала "Жизнь" за 1899 год, в которых печаталась повесть М. Горького, относится следующий отзыв В.И.Ленина в письме к А.Н.Потресову от 27 апреля 1899 года: "Беллетристика прямо хороша и даже лучше всех!" (В.И.Ленин. Сочинения, изд.3-е, т. XXVIII, стр.31-32).

Начало работы над повестью относится к 1898 г. Творческий замысел А.М.Горький раскрыл в письме к С. Дороватовскому в феврале 1899 г. "Эта повесть, - писал он, - доставляет мне немало хороших минут и очень много страха и сомнений, - она должна быть широкой, содержательной картиной современности, и в то же время на фоне её должен бешено биться энергичный здоровый человек, ищущий дела по силам, ищущий простора своей энергии. Ему тесно. Жизнь давит его, он видит, что героям в ней нет места, их сваливают с ног мелочи, как Геркулеса, побеждавшего гидр, свалила бы с ног туча комаров". В этом же письме далее А.М.Горький пишет: "...параллельно с работой над Фомой составляю план другой повести "Карьера Мишки Вягина". Это тоже история о купце, но о купце уже типическом, о мелком, умном, энергичном

жулике, который из посудников на пароходе достигает до поста городского головы. Фома - не типичен как купец, как представитель класса, он только здоровый человек, который хочет свободной жизни, которому тесно в рамках современности. Необходимо рядом с ним поставить другую фигуру, чтобы не нарушать правды жизни" (Архив А.М.Горького).

В своей переписке периода печатания повести М.Горький неоднократно жаловался на обилие искажений и изъятий, которые делались царской цензурой.

А.М.Горький уже в июне 1899 г. намеревался переработать "Фому Гордеева", о чём и писал С.Дороватовскому: "Я его буду зимой переписывать с начала до конца и, думаю, - исправлю, поскольку это возможно" (Архив А.М.Горького).

Большие исправления М.Горький внёс в текст повести для отдельного издания в серии "Библиотека "Жизни", 1900 г., а также для издания т-ва "Знание", 1903 г., и для собрания сочинений в издании "Книга". В результате этой работы из повести исключены целые главы, отдельные сцены, изменено деление повести на главы.

Повесть включалась во все собрания сочинений.

Печатается по тексту, подготовленному М.Горьким для собрания сочинений в издании "Книга".